

С. С. Крюкова**Крестьянская община 1920-х годов:
от имперского к советскому обычному праву ***

Исследуется трансформация правовой культуры крестьян в советской доколхозной деревне на примере ее традиционного института — обычного права. Актуальность темы предопределяют, с одной стороны, слабая изученность конкретно-исторических механизмов утверждения нового советского законодательства России в 1920-е годы, с другой стороны, чрезвычайная важность переосмысления парадигмы правового развития страны с позиций современных подходов к феномену обычного права. Предпринят анализ законодательных источников первого десятилетия советской власти и архивных документов. Проведенное исследование отражает сложную картину становления советской законодательной базы и проникновения в нее неписаных крестьянских обычно-правовых норм. Дореволюционные традиции оказались вполне востребованы в новом законодательстве. Для крестьян традиционный уклад в решении повседневных деревенских нужд в период революционных потрясений и становления нового права оставался своего рода защитным механизмом в условиях адаптации к изменявшимся условиям жизни. Однако нараставшие новые противоречия между старшим и молодым поколениями, между мужчинами и женщинами, между разными формами хозяйствования в деревне и пр. усугубляли социальную разобщенность, нарушали прежнюю однородность общины и ее обычай.

закон; земельные отношения; крестьянская семья; советская доколхозная деревня; обычай; правосознание; правовая культура

Советская эпоха все более привлекает внимание исследователей. На волне подъема интереса к этому периоду российской истории, его переосмысления очевидна необходимость конкретно-исторического изучения многообразных форм преемственности и прерывистости его правовой традиции, представляющей одну из фундаментальных основ социального развития. Обычное право, вокруг которого была сфокусирована общественная и научная гуманитарная мысль дореволюционной России, сегодня вновь воспринимается как «родимое пятно» специфически русского пути развития. Более того, пространство его доминирования, преодолев сословные крестьянские границы, было значительно расширено и распространено на все российское общество [Медушевский, 2014].

Вместе с тем в отличие от обычного права русских крестьян в XIX веке, которое изучено довольно глубоко, его последующее развитие освещено слабо. В советский период, когда в интерпретации права господствовал этатистский подход под лозунгом «диктатуры» социалистического права, эта область неписаного социального саморегулирования оставалась вне поля зрения науки. В характеристиках советской правовой системы вопрос об обычаях как источнике права был разве что предметом дискуссий — мнения варьировались от полного его отрицания до «значительного использования в практике советского государственного строительства» [Колесников, 1989, с. 19]. Доминирующим в правовой советской доктрине стало признание обычая в качестве отошедшей в историю формы права. В духе этой интерпретации сложилась и трактовка обычного права как санкционированных государством узаконенных писаным правом обычаев [Александров, 1984, с. 31–33].

* Крюкова С. С. Крестьянская община 1920-х годов: от имперского к советскому обычному праву // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 3 (68). С. 35–45. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.004>

© Крюкова С. С., 2020

Вопрос о месте и значении обычного права в советской доколхозной деревне до сих пор не прояснен, хотя этот период обеспечен большим объемом разнообразных по происхождению и характеру источников. В настоящей работе, помимо законодательных, использованы архивные письменные источники, крестьянские дневники, письма, жалобы, материалы крестьянских органов самоуправления, документы исполнительных органов власти, в том числе официальные сводки. Корпус разнообразных по происхождению документов позволяет проследить изменения законодательной политики в отношении обычая в земельном и семейном праве этого периода и показать общественную реакцию на них главного адресата этих нововведений. Таким образом, в центре нашего внимания — процесс сложного, противоречивого взаимодействия закона и обычая в доколхозной деревне в пересекающихся и наиболее важных для крестьян правовых полях — земли и семьи.

Советские историографические источники также предоставляют солидный материал для анализа. И хотя собственно обычное право доколхозной советской деревни почти не привлекало специального внимания исследователей, нельзя обойти вниманием работы, так или иначе касающиеся этой темы. Центральное место в библиографии, посвященной советской деревне, занимает ее основной социальный институт — община [Осокина, 1976; Данилов, 1977; Вознесенская, 2008; Сухова, 2008; Шатковская, 2008; Федотов, 2011 и др.]. Именно в рамках общины исследователи реконструируют те или иные стороны правового состояния крестьян и доколхозной советской деревни. Причины такого пристрастия ученых заключены в том числе в самой социальной структуре деревни, в исторически и фактически обусловленной значимости общины в ее повседневной жизни, в практике крестьянских правоотношений, тем более что дореволюционная русская община получила в историографии разностороннее освещение и как орган крестьянского самоуправления, и как хозяйственно-экономический союз земледельцев, и как особый тип культурного сообщества. Не будет преувеличением сказать, что «традиционное» обычное крестьянское право во многом было «общинным»: само общество вырабатывало образцы моральных и правовых норм, обеспечивало их реализацию, формировало мировоззрение крестьян.

Обычное/общинное право русской деревни, и прежде всего крестьянский опыт «управления» землей и общественное самоуправление в целом, складывалось на основе преемственности поколений и представляло собой незаменимый инструмент постоянной адаптации крестьян к переменам и потрясениям. Разумеется, 1917-й год внес в эволюцию этого опыта свои коррективы. И все же важнейшим для деревни и в 1920-е годы оставался земельный вопрос. Являясь системообразующим, базовым в формировании крестьянского образа жизни, он и после революции аккумулировал в себе разные его аспекты, включая регулирование жизнеобеспечения, экономику крестьянского двора, систему общественных коммуникаций и представлений. В этой связи необходимо выяснить: как деревня отреагировала на радикальные перемены, в какой мере эти преобразования пошатнули ее обычно-правовые устои, каким образом эти устои помогли деревне пережить период слома старого порядка.

Советское государство утвердило новый земельный статус деревни посредством ряда законодательных установлений [Декреты советской власти, 1917; Сборник документов по земельному законодательству... , 1954]. Несмотря на декларирование революционного переустройства крестьянского миропорядка, земельные отношения в ней еще долго сохраняли черты преемственности с отсылкой к обычаю. Более того, один из первых советских документов, непосредственно касавшийся деревни, — Декрет о земле, фактически легализовал начавшийся после Февральской революции «черный передел», узаконив крестьянские обычно-правовые представления о справедливости уравнильно-трудового землепользования. В его основу легли крестьянские наказания, предоставленные местными депутатами на 1-й Всероссийский съезд крестьянских депутатов в Петрограде в 1917 году. Суть преобразований заключалась в отмене помещичьей и любой иной частной собственности на землю: земля отчуждалась безвозмездно и обращалась во всенародное достояние, соответственно переходила в пользование всех работающих на ней. Распределением земли должны были заведовать «местные и центральные самоуправления, начиная от демократически организованных бессловесных сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями» [Декреты советской власти, с. 19]. Запрет на частную собственность на землю вполне соответствовал крестьянским представлениям о том, что вся земля Божья, а потому частновладельческое право на нее противозаконно. Кроме того, в управлении земельным фондом на низовом уровне, как и раньше, ответственная роль отводилась сельской общине.

Согласно Декрету, землепользование носило уравнительный характер, то есть земля должна была распределяться между трудящимися по трудовой или потребительной норме в зависимости от местных условий («смотря по местным условиям»). Тем самым был защищен важнейший принцип обычного права — локальность и вариативность нормы. Относительно форм землепользования была провозглашена полная свобода: были признаны подворная, хуторская, общинная, артельная формы землепользования. При этом право выбрать ту или иную форму оставалось за крестьянами — «как решено будет в отдельных селениях и поселках». Законом создавались благоприятные условия для следования традиции. Декрет продолжил эту линию и в вопросе о перераспределении земельных угодий: признание получили его официальные обычно-правовые механизмы: переделы («земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения»), переселения («если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению») [Декреты советской власти, с. 19], а также первоочередное право родственников на земельный участок выбывшего из общины.

После революции использование наемного труда было запрещено. Вместе с тем был узаконен традиционный институт крестьянской взаимопомощи: в случае бессилия того или иного крестьянина в течение двух лет сельское общество обязано было помочь ему с (общественной) обработкой земли. Общественная поддержка была обещана и пострадавшим от «имущественного переворота», но лишь на время, необходимое для того, чтобы они смогли «встать на ноги». В вопросе о переселении также отталкивались от прежних обычно-правовых стратегий, нацеленных на то, чтобы обезопасить крестьянское сообщество от нежелательных элементов. Выселяли безземельных крестьян, желавших выйти из общины; порочных членов общества; дезертиров и пр.; наконец, по жребию или по соглашению. Известно, что дореволюционная община еще со второй половины XIX века использовала этот легальный механизм «самоочищения» — «удаления из общества вредных и порочных членов его» [Общее положение о крестьянах... , 1998, с. 48].

В следующем документе советской власти «Основном законе о социализации земли» от 27 января (9 февраля) 1918 года, регулирующем земельно-имущественные отношения в деревне, нашел свое отражение приоритет обычного права — обеспечение хозяйственной дееспособности каждого крестьянского двора [Александров, с. 244]. Развивая основные положения Декрета о земле, новый закон предписывал руководствоваться уравнильно-трудовыми началами так, чтобы потребительно-трудовая норма соответствовала «исторически сложившейся системе землепользования» и в то же время давала бы возможность «безбедного существования семье земледельца» [Декреты советской власти, с. 409]. Инструкция по распределению земли опиралась на системы землепользования, «исторически сложившиеся в данный хозяйственный период» [Там же, с. 411–412].

В Земельном кодексе 1922 года также сохранилась тенденция возврата к передельной общине, ориентация на традицию в решении земельных вопросов на уровне основной экономической ячейки нового государства — крестьянского двора. Советское законодательство унаследовало порядок и терминологию сельского самоуправления: распорядительную функцию в решении земельных вопросов закрепили за сходом — общим собранием крестьян. Состав собрания формировался по новым правилам: ст. 52 разрешала участие в сходе всем землепользователям не моложе 18-летнего возраста независимо от пола.

Представителем двора по хозяйственным делам, как и прежде, считался домохозяин (мужчина или женщина). В случае нерадивости, повлекшей за собой разорение двора, он мог быть заменен кем-то другим из состава семьи по заявлению ее членов и заключению сельсовета (ст. 69).

Узаконивая передельный механизм с целью обеспечения уравнительного землепользования, советская власть ограничила распорядительные полномочия крестьян, лишив их частной собственности на землю. Отныне все земли составляли собственность рабоче-крестьянского государства (ст. 2). Крестьянину же было предоставлено право пользования землей, но не владения: покупка, продажа или запродажа, завещание или дарение, а также залог земли были запрещены и приравнены к уголовному преступлению (ст. 27).

Земельные права и обязанности землепользователей и их объединений определялись общими законами РСФСР, Земельным кодексом, узаконениями и распоряжениями, а для земельных обществ — также их уставами (приговорами) и местными обычаями, когда их применение не противоречило закону (ст. 8). Прямые отсылки к обычаю звучали и в статьях, регулирующих земельные вопросы в ситуациях раздела двора и определения размера

имущественных долей: «Разделу подвергается лишь имущество общего пользования, и по требованию отдельных лиц двора из раздела исключается имущество их личного пользования, относительно которого ими будет доказано, что оно приобретено на личные средства, а также то имущество, которое признается личной принадлежностью отдельных членов двора по местным обычаям» (ст. 77); «При разделах земель в обществах с общинным порядком землепользования земельные доли делящихся членов двора определяются соразмерно разверсточным единицам, во всех остальных случаях — согласно существующему обычаю, поскольку он не противоречит закону» (ст. 84). При этом во всех случаях раздела члены двора мужского и женского пола имели равные права [Сборник документов... , с. 163].

В механизме передела общинных земель советская власть также в полной мере унаследовала обычай. Распределение земли «в соответствии с местными обычаями» отразило всю пестроту локальных норм, характерную и для дореволюционной общины. Даже в одном уезде могло существовать несколько вариантов передела. В частности, по сведениям из Раненбургского уезда Рязанской губернии, они имели разные сценарии: 1) земля делилась по числу едоков старше 12 лет; 2) поровну распределялась между дворами независимо от величины семьи; 3) земля, оставшаяся после наделения каждой семьи определенным количеством десятин, поступала в специальный фонд в распоряжение общества; 4) каждому двору полагались не менее 5 десятин земли и усадьба, после чего оставшуюся землю делили между всеми работниками [Рязанская деревня... , 1998, с. 27]. Был легализован и традиционный дисциплинирующий принцип обычного права: из-за «лености хозяев» земельный надел мог быть изъят.

Анализ законодательства первых лет советской власти показывает его крайнюю противоречивость в сфере крестьянского землепользования. Это проявлялось и в непоследовательности норм, и иногда в их взаимоисключающем характере. В регулировании земельно-имущественных отношений между крестьянскими дворами советское право, с одной стороны, следовало дореволюционным схемам «обычного права», признававшим авторитет местных обычаев при решении имущественных дел в крестьянской семье, с другой — дискредитировало традиционную гендерную иерархию в общине, устанавливая принцип равноправия мужчин и женщин в наделении землей и в общественном самоуправлении.

Реализация новых законов в жизнь была делом не менее сложным. Крестьяне болезненно реагировали на перемены. В своих письмах-обращениях к власти, направленных, например, в редакцию «Крестьянской газеты», они передавали суть происходящего емко и образно: «Получается так — закон на закон, закон через закон и законом по закону» [Крестьянские истории, 2001, с. 133]. Много вопросов у крестьян вызывали разделы дворов. Они не находили на них ответа ни в обычае, ни в законе: «В деревне часто происходит дележ имущества и при дележах обыкновенно происходит ругань из-за долей, потому что никто не знает закона, а кто желает узнать закон, то нужно идти в волость, что очень невыгодно, потому что зря убиваешь время» [Там же, с. 137].

Рассогласованность и даже конфликт законодательных требований особенно резко проступали во взаимодействии разных отраслей права, прежде всего земельного и семейного, — важнейших, фундаментальных, неделимых основ жизнедеятельности крестьянского двора. Согласно дореволюционной обычно-правовой традиции, усадебный и полевой наделы, жилищно-хозяйственный комплекс, земледельческие орудия, рабочий скот, домашняя утварь, часть одежды и деньги находились в общесемейном владении. В рамках этой традиции женщина не обладала правом на земельный душевой надел: при разделах и наследовании общесемейного добра на ее долю выпадала определенная часть недвижимости только при наличии детей мужского пола. «Женское» право на собственность распространялось лишь на приданое и некоторое имущество, заработанное в свободное от семейных работ время, а также на вещи, полученные в дар или по наследству.

Предоставив женщинам и мужчинам равные имущественные права, в том числе право на землю, советская власть подвергла испытанию один из основных принципов обычного права — приоритет коллективных/общесемейных интересов над индивидуальными, а также мужского над женским. Новые принципы советского семейно-брачного законодательства были также направлены на разрушение прежней организации семейных связей. Семейно-брачный кодекс 1918 года манифестировал полную свободу регистрации и расторжения брачных уз, что не замедлило сказаться на бракоразводной статистике.

Разводы провоцировали имущественные, в том числе земельные, разделы, в которых женщина теперь выступала как равноправная сторона. Семейный кодекс 1926 года гарантировал

защиту материальных интересов женщин, не только состоявших в официальном браке, но и проживавших в незарегистрированном/фактическом браке. В раздел поступала как вся имевшаяся у двора земля (включая усадьбную), так и всё его «хозяйственное обзаведение (постройки, жилой и мертвый инвентарь, продукты питания, вещи домашнего обихода и прочее имущество)». Исключение составляли вещи личного пользования отдельных членов семьи (одежда, обувь и пр.) [ГАРО. Ф. Р-343. Оп. 1. Д. 6650. Л. 2]. Замужние женщины наравне с остальными взрослыми членами двора были вправе отныне требовать земельно-имущественного раздела общего хозяйства.

В 1922 году Постановлением 3-й сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета 9-го созыва крестьянские имущественные тяжбы, связанные с землей и находившиеся ранее в компетенции судебных органов, перешли в распоряжение специально учрежденных земельных комиссий — волостной, уездной и губернской, которые действовали при местных исполнительных органах власти. Материалы губернских и уездных земельных комиссий свидетельствуют об активной практике передела земель. Так, Рязанской губернской комиссией в 1928 году было рассмотрено 440 тяжб, отразивших насущные проблемы крестьян. В их число вошли дела о лишении землепользования и наделения землей, о спорных усадьбно-огородных участках внутри деревни и между обществами разных сел, о перечислении и принятии в состав общины крестьян и др.

Земельно-имущественные споры, сопровождавшие семейные разделы, составили наиболее многочисленную группу дел из общего числа тяжб: 172 дела из 440 были инициированы в связи с разделами дворов [ГАРО. Ф. Р-375. Оп. 1. Д. 4]. Среди них наибольший процент пришелся на супружеские разделы (48 из 172, или 28 %). Большинство разбирательств было связано с разделами в результате прекращения совместного проживания супругов (46 дел из 48), при этом из 48 супружеских тяжб лишь в двух случаях иски о разделе имущества были возбуждены мужчинами. Подавляющую часть заявлений с земельно-имущественными претензиями на низовом уровне — в волостную комиссию — подали женщины, и из 48 тяжб 38 завершились победой женской стороны, то есть 79 % от общего числа супружеских споров. Эту тенденцию характеризуют и объясняют сами формулировки решений: «в пользу обездоленной истицы», «постановлено в защиту слабой стороны — женщины, оставленной мужем после кратковременного сожителства». Вместе с тем «слабейшая» сторона высказывалась порой весьма решительно, вполне в духе времени, ссылаясь на «непринужденность брака» и несоответствие принятых решений «понятию к свободе личности» [ГАРО. Ф. Р-375. Оп. 1. Д. 4. Л. 826–827, 883–884, 145–146].

Сельское общество было вправе контролировать имущественное перераспределение. Официальный порядок осуществления раздела требовал его обязательного согласия, хотя в действительности соблюдение или несоблюдение этой формальности не всегда влияло на результат тяжбы. При определении долей учитывался полный состав двора, производилась оценка его общей стоимости и строго фиксировался размер выделяемого имущества. Раздел земли любого домохозяйства должен был производиться из расчета по едокам. Вопрос об усадьбе решали по-разному: либо она доставалась женской стороне, либо супруг выплачивал часть ее стоимости деньгами, а общество выделяло крестьянке новый участок для строительства отдельного двора либо усадьбное владение делили. К документам обязательно прилагалась подробная опись на движимость и недвижимость.

Важнейшим являлся факт выделения супруге пая из основного хозяйства — земельного и усадьбного наделов, а также существенной части общесемейного имущества, включая недвижимое. При этом такие решающие факторы, как наличие и количество детей, других членов двора и его состоятельность, влияли лишь на размер выделяемой женщине доли. Однако само по себе положительное решение дела в пользу крестьянки не зависело в подавляющем числе тяжб ни от наличия детей, ни от структуры семьи, ни от ее благосостояния.

В дореволюционной деревне наличие всевозможных внутрисемейных конфликтов личного характера (которые могли вылиться в избивание жен, наказание их за своевольный уход из дома, обвинение мужей в пьянстве и расточительном образе жизни и пр.) уравновешивалось отсутствием споров между супругами по поводу недвижимости. У крестьянки отсутствовало само право на долю общесемейного добра (в первую очередь на землю) при отсутствии у нее детей мужского пола. Однако более существенным было то, что не возникало самих условий и оснований для реализации этого гипотетического права, поскольку церковно-государственное право допускало возможность расторжения брачного союза при наличии ряда особых обстоятельств, «законные» разводы в деревне, как правило, не оформляли. Проблемы владения

имуществом, даже если супружеская пара фактически прекращала совместное проживание (а такая практика «расходок» к концу XIX века утихла), регулировались крестьянским обществом и самой семьей без вмешательства законодательной и судебной власти. Поэтому имущественные иски от женщин поступали в волостные суды лишь после смерти мужей.

Раздел двора осуществлялся по иску крестьянок иногда даже в тех случаях, когда для общего хозяйства он оказывался разрушительным и не соблюдал Инструкцию о разделах, запрещавшую образование маломерных усадебных землепользований [ГАРО. Ф. Р-375. Оп. 1. Д. 4. Л. 177–178]. С одной стороны, инструкции новой власти о запрете разделов маломощных дворов (что совпадало всегда с экономическими интересами общины и являлось обычным правом, не допускавшим семейных разделов в случае возникновения угрозы благосостоянию двора), с другой — новые установления неизменно защищали женскую сторону, даже если решение было принято вопреки, а не согласно обычным нормам или официальным предписаниям.

Лозунги и законы новой власти о равноправии и свободе женщины (распределение земли по едокам, право каждого члена семьи вне зависимости от пола и возраста на раздел и равную долю имущества) были нацелены на уничтожение прежнего «патриархального» обычая. Новые органы власти проводили откровенно проженскую и «не-обычную» политику (особенно на губернском уровне), нацеленную на поддержку «слабейшей» стороны. Сама по себе принадлежность к женскому полу обещала успех в имущественном споре. Аналогичную функцию выполнял и «классовый подход». Прежние («традиционные») обычно-правовые нормы, ограничивавшие имущественную правоспособность крестьянки, уходили в прошлое: правовые привилегии явно были на стороне женщины. Так, если ранее обычно-правовая практика была ориентирована на поддержку «слабейшей» стороны — тяглосьпособного двора, возглавляемого мужчиной-домохозяином, то в 1920-е годы формула «слабейшая сторона» явно обрела выраженную феминистическую окраску.

То обстоятельство, что «женщинам иногда бывает больше снисхождения» со стороны местных органов власти, встречало крайне негативную реакцию со стороны пожилых людей, особенно мужской части деревни. Так, среди писем крестьян в 1920-х годах в «Крестьянскую газету» нередко попадаются жалобы на «несправедливые» постановления земельных комиссий и народных судов и на то, что «женщине дадены лишние права». Свой, «мужской», взгляд на правду жизни с обидой излагал один из крестьян: «Человек женится и регистрирует, сделает все хорошо, только есть поговорка “у женщин волосы длинные да ума короткие”... не хочет исполнять жена совет мужа и начнется спор, что закон есть женский и готово раздел. Суд присудит женщинам платить по имущественному положению. Значить придет в замуж на все готовое и возмет часть имущества такой порядок неправильный» [Крестьянские истории, с. 140].

Изменения в сознании крестьянки стали лишь одним из проявлений модернизации, начавшейся еще в дореволюционной деревне и продолжившейся в советской. В законодательно поддержанной советской властью политике «освобождения» и «раскрепощения» женщины защита ее имущественного статуса создавала материальную платформу для ее относительно независимого существования и укрепляла в ней веру в освобождение от «домашнего рабства», в возможность ведения самостоятельного хозяйства. Проводимый советской властью принцип равноправия полов вел к разрушению традиции разделения труда в семье на «мужской» и «женский», что встречало критику со стороны мужчин: «...это подстрекательство, чтобы женщина не работала на кухне... ведь каждый мужчина не сидит, тоже что-нибудь постоянно работает: то в поле, то на дворе, только не на кухне, и поэтому на кухне работа совсем не тяжелая — пироги печь... женщина должна быть на кухне, а не в канцелярии» [Голос народа, 1997, с. 159].

Новые законы создавали благоприятные условия для сегментации семьи и крестьянского домохозяйства и создания женщинами самостоятельных хозяйств, что способствовало увеличению числа неполных семей и экономически слабых дворов. Выражая недовольство этой тенденцией, крестьяне связывали ее с изменившимся поведением молодого поколения крестьянок: «Что же за причины разделов и оказывается больше всего жены не сживаются, хотят быть самостоятельными хозяйками, работать на себя, своих детей, а не на деверей-золовок... Это уже вошло в обычай-привычку» [Крестьянские истории, с. 197].

Законодательные нововведения вызывали неоднозначный резонанс в крестьянской общине: с одной стороны, они были нацелены на обеспечение равноправного участия всех членов семьи в имущественно-хозяйственной жизни, с другой — меняли прежние представления и

установки крестьян, в частности нарушали обычно-правовые традиции раздела имущества, базировавшиеся на размере трудового вклада каждого в семейное хозяйство: «...раздел производится на всех членов семьи поровну кто и работал, а кто и совершенно труда мало клал, а надел ровный. А при разделе нужно учитывать труд каждого члена семьи сколько он труда положил в хозяйстве такой нужно ему и надел определят... [Крестьянские истории, с. 196].

Семейные разделы подпитывал и конфликт между старшими и молодыми поколениями семьи. Желание молодых обрести независимость, выделиться в самостоятельное хозяйство не всегда совпадало с интересами главы семейства. Прежняя власть хозяина-большака над домочадцами ослабевала. Новые законы вызывали у крестьян желание прояснить или даже оспорить его полномочия: «...прошу... ответить мне, какую роль играет отец при семейных разделах. Например, такой случай: в семье отец, мать — по старости нетрудоспособные — дочь — 23 лет; сын — 28 лет с женой и тремя малыми детьми... Сын с женой совершенно не принимает никакого участия в с.-х. работе, хотя тут же в одном семействе живут... Теперь сын с женой, будучи прямо-таки тунеядцами, выгоняют из дома стариков и угрожают разделом: отобрать все в половинном размере... имеет ли какой голос, власть отца к сыну-лентяю» [Крестьянские истории, с. 140–141]. Молодежь, уповая на новые законы, приводила свои аргументы: «...есть семья, у которых старики тянут за старое право, когда какая нибудь брань старики вы кто тут вон порог а иди куда знаешь я хозяин! Но некоторым нос срывали подожди старик все равны, что ты то и я что твоя доля и моя и женщине и маленькому дитю все должны делить поровну, но старикам это нравится» [Там же, с. 178].

Социальную разобщенность усиливало экономическое расслоение общины, хотя советская власть фактически унаследовала обычно-правовой принцип дореволюционной общины равномерного уравнивания экономического положения крестьян. В этом духе она поддерживала в первую очередь «бедняцкие» хозяйства, что лишь порождало напряженность в деревне: «И куда только власть смотрит. Ведь делают только какую-то травлю бедняка с середняком. Вот привезли хлеб и роздали его бедноте, ну а когда они ее накормят. Ведь если они будут вести так далее, то все в бедноту перейдут, распродадут свое имущество и сядут на шею государству» [Рязанская деревня... , с. 12].

Дифференцированный «классовый подход» новой власти к крестьянам провоцировал вражду между ними. Очевидным было недовольство середняков, остро реагировавших на то, что бедняки имели преимущества в снабжении семенами, получении различных ссуд, освобождении от некоторых налогов. Средние и зажиточные хозяйства слабели, а самые бедные ратовали за радикальные методы, уже апробированные в ходе революции: «...нужно осмотреть закрома у богатей. Советская власть должна реквизирует весь хлеб у богатых, только тогда беднота спасется от голода» [Рязанская деревня ... , с. 20].

Поляризация мнений в деревне наблюдалась и в оценках самой общины. Одни крестьяне высказывались за ее разрушение, другие, напротив, выступали в ее защиту, считая общину «целесообразной и незаменимой», «лучшим хозяином» [Крестьянские истории, с. 80–85].

Подводя итоги, подчеркнем, что дореволюционные земельно-хозяйственные традиции и их регламентация оказались вполне востребованы и в условиях советской доколхозной деревни. Более того, они были едва ли не единственной надежной точкой опоры новой власти в условиях кардинальных перемен и экономической нестабильности в пореволюционной деревне. Для крестьян традиционный уклад в решении повседневных деревенских нужд в условиях революционных потрясений и становления нового права оставался залогом хотя бы какой-то стабильности, своего рода платформой для адаптации к изменившимся условиям жизни. Советское официальное право, несмотря на несогласованность и противоречивость законодательных норм этого периода, также продолжало ориентироваться на обычай как на один из источников социального, экономического и политического регулирования в деревне. Коренные преобразования в деревне в 1920-х годах способствовали, как ни странно, сохранению традиционного обычного права (даже расширению пространства его применения), являясь все еще эффективным инструментом управления крестьянским обществом.

Однако далеко не всегда обычное право отвечало законным требованиям советской власти. Иногда оно становилось подспорьем и даже поводом для выражения социального протеста. Постепенно менялась социальная структура деревни, нарастали противоречия между старшим и

молодым поколениями, между мужской и женской половинами, между традицией и новым (классовым) законодательством. Семейные разделы 1920-х годов свидетельствуют скорее о тяге к эмансипации — поколенческой, гендерной и, наконец, индивидуальной, сдерживавшейся традициями общины, неохотно уступавшей свои позиции. Трансформация семейного строя, дробление семей и домохозяйств, политическое и экономическое расслоение деревни на фоне лозунгов об обострении в ней классовой борьбы также усугубляли разобщенность, нарушали социальную однородность общины. Новый порядок подрывал крестьянские мечты о справедливости и земле, разрушал ее монолитность. Один из прежних двигателей обычного права — коллективная воля — был надломлен и подвергнут серьезному испытанию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России XVIII — начало XIX в. — М. : Наука, 1984. — С. 31–33.
2. Вознесенская Е. И. Общинная организация вятского крестьянства в советской доколхозной деревне (1917–1930 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. — Ижевск, 2008. — 28 с.
3. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А. К. Соколов. — М. : РОССПЭН, 1997. — 328 с.
4. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). — Ф. Р-343. — Оп. 1. — Д. 6650 ; Ф. Р-345. — Оп. 1. — Д. 4.
5. Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. — М. : Наука, 1977. — 319 с.
6. Декреты советской власти. — Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. — М. : Политиздат, 1957. — 626 с.
7. Колесников Е. В. Обычай как источник советского государственного права // Правоведение. — 1989. — № 4. — С. 19–25.
8. Крестьянские истории. Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах / сост. С. С. Крюкова. — М. : РОССПЭН, 2001. — 232 с.
9. Медушевский А. Н. Российская правовая традиция — опора или преграда? — М. : Фонд «Либеральная миссия», 2014. — 136 с.
10. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости (19 февраля 1861 г.) // Реформы Александра II : сб. / сост. О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая. — М. : Юрид. лит., 1998. — 464 с.
11. Осокина В. Я. Социалистическое строительство в деревне и община (1920–1933 гг.). — М. : Мысль, 1976. — 178 с.
12. Рязанская деревня в 1929–1953 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы / отв. ред.-сост. Л. Виола, С. В. Журавлев [и др.]. — М. : РОССПЭН, 1998. — 749 с.
13. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954 гг. / сост. Н. Д. Казанцев, О. И. Туманов. — М. : Госюриздат, 1954. — 719 с.
14. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания : очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. — М. : РОССПЭН, 2008. — 679 с.
15. Федотов А. В. Крестьянская община в тульской деревне периода НЭПа (1928–1928 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. — Тула, 2011. — 190 с.
16. Шатковская Т. В. Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) // Юрист-правовед. — Ростов н/Д : Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2008. — № 3. — С. 87–92.

Сведения об авторе

Крюкова Светлана Станиславовна — кандидат исторических наук, доцент Института этнологии и антропологии РАН.

Сфера научных интересов: юридическая антропология, крестьяноведение, обычное право, соционормативные отношения, семья, община.

Контактная информация: электронный адрес: krjukova@list.ru

**Peasant Communities of the 1920s:
from Imperial Law to Soviet Common Law ***

The research investigates the transformation of peasant legal culture in Soviet pre-kolkhoz villages at the example of common law as a legal tradition. The relevance of the issue is predetermined, on one hand, by the fact that historical mechanisms of adopting a new Soviet legal system in Russia of the 1920s are largely underinvestigated and, on the other hand, by the fact that it is crucial to reinvestigate the paradigm of the legal development of Russia from the point of view of modern approaches to the interpretation of the phenomenon of common law. The author makes an attempt to analyze laws issued by the Soviet state during the first decade of its existence and archival documents. The investigation reveals a complex picture of Soviet legal system formation and its enrichment with common law principles traditionally supported by peasants. Pre-revolutionary traditions were willingly adopted by the new legal system. Peasants treated traditions as a protective mechanism guarding them against revolution-related distress and helping them to adapt to novel conditions of life and a new legal system. However, the growing contradictions between the older and younger generations, between men and women, between various land management practices aggravated social segregation and disrupted the traditional social uniformity of a peasant community.

law; land issues; peasant family; Soviet pre-kolkhoz villages; traditions; legal awareness; legal culture

REFERENCES

1. Aleksandrov V. A. *Obychnoe pravo krepostnoj derevni Rossii XVIII — nachalo XIX veka* [Common Law in Russian Serf Villages in the 18th — Early 19th Centuries]. Moscow, Science Publ., 1984, pp. 31–33. (In Russian).
2. Voznesenskaja E. I. *Obshhinnaja organizacija vjatskogo krest'janstva v sovetskoj dokolkhoznoj derevne (1917–1930 gody)* [Peasant Communities in Soviet Vyatka Pre-kolkhoz Villages (1917–1930)]. Izhevsk, 2008, 28 p. (In Russian).
3. Sokolov A. K. (ed.). *Golos naroda. Pis'ma i otkliki rjadovyh sovetskih grazhdan o sobytijah 1918–1932 gody* [The Voice of People. Soviet Citizens' Letters about Events of 1918–1932]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 328 p. (In Russian).
4. *Gosudarstvennyj arhiv Rjazanskoj oblasti (GARO)* [State Archive of the Ryazan Region (SARR)]. F. R-343, Op. 1, D. 6650; F. R-345, Op. 1, D. 4. (In Russian).
5. Danilov V. P. *Sovetskaja dokolkhoznaja derevnja: naselenie, zemlepol'zovanie, hozjajstvo* [Soviet Pre-Kolkhoz Villages: Population, Land Management, Agriculture]. Moscow Science Publ., 1977, 319 p. (In Russian).
6. *Dekrety sovetskoj vlasti. Tom 1: 25 oktjabrja 1917 goda — 16 marta 1918 goda* [Decrees Issued by the Soviet Government. Volume 1: October 25, 1917 — March 16, 1918]. Moscow, Politizdat Publ., 1957, 626 p. (In Russian).
7. Kolesnikov E. V. Tradition as a Source of Soviet Common Law. *Pravovedenie* [Jurisprudence]. 1989, no. 4, pp. 19–25. (In Russian).
8. Krjukova S. S. (ed.). *Krest'janskije istorii. Rossijskaja derevnja 1920-h godov v pis'mah i dokumentah* [Peasant Stories. Russian Villages in the 1920s in Letters and Documents]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 232 p. (In Russian).
9. Medushevskij A. N. *Rossijskaja pravovaja tradicija — opora ili pregrada?* [Russian Legal Tradition: Assistance or Hindrance?]. Moscow, Liberal Mission Foundation Publ., 2014, 136 p. (In Russian).
10. Chistjakov O. I., Novickaja T. E. (comp.) *Common Law on Peasants Freed from Serfdom (February 19, 1861). Reformy Aleksandra II* [Alexander II's Reforms]. Moscow, Legal Literature Publ., 1998, 464 p. (In Russian).
11. Osokina V. Ja. *Socialisticheskoe stroitel'stvo v derevne i obshhina (1920–1933 gody)* [Socialist Construction in Villages and Communities (1920–1933)]. Moscow, Thought Publ., 1976, 178 p. (In Russian).
12. Viola L., Zhuravlev S. V., et al. (comp.). *Rjazanskaja derevnja v 1929–1953 gody.: Hronika golovokruzenija. Dokumenty i materialy* [Ryazan Villages in 1929–1953. The Vertigo Chronicles. Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998, 749 p. (In Russian).

* Kryukova S. S. Peasant Communities of the 1920s: from Imperial Law to Soviet Common Law. *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin]. 2020, no. 3 (68), pp. 35–45. (In Russian). <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.004>

13. Kazancev N. D., Tumanov O. I. (ed.). *Sbornik dokumentov po zemel'nomu zakonodatel'stvu SSSR i RSFSR. 1917–1954 gody* [The Collection of Documents on Land Law of the USSR and the RSFSR. 1917–1954]. Moscow, Gosjurizdat Publ., 1954, 719 p. (In Russian).

14. Suhova O. A. *Desjat' mifov krest'janskogo soznaniija: ocherki istorii social'noj psihologii i mentaliteta russkogo krest'janstva (konec XIX — nachalo XX veka): po materialam Srednego Povolzh'ja* [Ten Peasant-Related Myths: Essays on History of Social Psychology and Mentality of Russian Peasants (the Late 19th — Early 20th Centuries): based on the materials of the Middle Volga Region]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 679 p. (In Russian).

15. Fedotov A. V. *Krest'janskaja obshhina v tul'skoj derevne perioda NJePa (1928–1928 godov)* [Peasant Communities in Tula Villages during the NEP period (1928–1928)]. Tula, 2011, 190 p. (In Russian).

16. Shatkovskaja T. V. The Role of Common Law in Regulating Land Issues in the Early Years of the Soviet Rule (1917–1922). *Jurist#-pravoved* [Legal Advisor]. Rostov-on-Don, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2008, no. 3, pp. 87–92. (In Russian).

Information about the author

Kryukova Svetlana Stanislavovna — Candidate of History, Associate Professor at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

Research interests: legal anthropology, peasant studies, common law, normative social relationships, family, community.

Contact information: e-mail: krjukova@list.ru

Поступила в редакцию 17.04.2020

Received 17.04.2020